

Сергей Сметанин

Созвездье фар

Стихи

СУРГУТ
1993

Звездопад

Жизнь ли счастье мне пророчит?
Сон ли сгинул без следа?
О гигантский короб ночи
Тихо чиркнула звезда.

Чутко впитывая звуки,
Безмятежно, как в игре,
Я лежу, раскинув руки,
За деревней на горе.

В головах — трава степная,
Быль и небыль в голове.
И никто меня не знает
Ни в Сибири, ни в Москве.

Что мне эти расстоянья,
Что мне пыль пространств и лет!
Я загадывал желанья,
Да пути им, видно, нет.

И ничто мне не пророчит
Ни удачи, ни беды.
Лишь на гранях темной ночи
Гаснут тихие следы.

Сенокос

Этот край бесконечен и прост.
И под куполом выси нетленной
На готовом стогу в сенокос
Я как будто один во вселенной.

Свежий запах медовой травы,
Деловитых жучков стрекотанье,
А вокруг — океан синевы
Неделимый, как все мирозданье.

В этой бездне теряется взгляд.
Мир настроен на вечные ноты.
Только мышцы тревожно гудят
От азартной, тяжелой работы.

* * *

Я родился в деревне, в башкирской глубине,
Где земля своенравно мудра.
Где полынные волны по гордой степи
Погоняли тугие ветра,
Где впервые провеяло слово «гектар»
Незадолго совсем до войны,
И покорных овец из саманных кошар
Потеснило зерно для страны.
Я родился свидетелем грубых эпох, —
На моих еще детских глазах
Утопали телеги, почти без дорог,
И для топки сушился кизяк.
И мальчишка-пастух, матерясь и крича
Лихо щелкал длиннющим кнутом...
Я родился в обычной семье ветврача,
Но не зря вспоминаю о том.
Видел я, как компостером метят телят,
И кастрируют злых жеребцов,
Видел — черви в запущенной ране кишат,
Видел яро текущую кровь.
Видел руки отца, терпеливые столь,
Как их часто окрашивал йод!
Видел я, как бывает целительна боль
Там, где ласка уже не берет.
Оттого мне и хочется режущих слов,
Чтобы жгли веселее огня.
Не читайте моих слишком сладких стихов,
Слишком малое в них от меня.

Облака

Я родился весной.
Я люблю, когда сохнет и тает,
И, устав отдыхать,
Разметает берлогу река,
И шевелится жизнь,
И все радостней солнце взлетает,
И все выше и выше
Громоздятся вокруг облака...
Разве можно забыть
Это чудо волшебных инерций!
Пусть уходят они
Безвозвратно — зови, не зови...
И робеет земля,
Как впервые задетое сердце,
Перед светлой порою
Пока невозможной любви.

* * *

Дождя стеклянный гарус,
Да снега габардин —
Большой, тяжелый парус
Я шью себе один.
Не ждут меня ни слава,
Ни добрая рука,
Последняя забава —
Осенняя тоска.
В хмелю ее настойки
И сосны, и туман,
И ближней новостройки
Печальный котлован.
Зима внутри гуляет,
И строить не резон,
Но крепко вбиты сваи
В подземный горизонт.
И, бросив к черту жалость,
Чего уже скрывать,
Таким и я под старость
Останусь пустовать:
Ни друга, ни приюта —
Одна вокруг, одна,
По всем углам Сургута
Тоска разведена.

Одиночество

Синева струится, исчезая где-то,
Видишь — обломился пепел сигареты.
Ты стоишь на кухне, глядя на аллею,
Голые колени ткнулись в батарею.

Никому не больно, ничего не надо.
Тихо, словно в сквере после снегопада.
Только чей-то голос плачет за стеною:
— Где ты закатилось, счастье золотое?

Это все знакомо, это все бывает,
О чужом, далеком песня унывает...
Сквозняком нелепым потянуло, вроде,
Дверь стоит открыта, и никто не входит.

Память о Башкирии

Утро в полусумраке прохлады,
Радуга у ласковой воды —
Все мне откровенье и награда,
Все — твои прозрачные следы.
Глиняный отвал на косогоре,
Спутанные гривы ковыля,
Жерди на конюшенном заборе,
Ровные, далекие поля...
Родина! С тобою мне не больно.
Неба голубая полоса,
Вьется, как платок прямоугольный,
Женщины прищурившей глаза.
Трактора ли рокот полусонный,
Пропылит куда-то грузовик...
И ничем, ничем не замутненный
В углубленьи берега родник —
Все мои любимые мотивы.
Да за то ли память укорять,
Что приходит в голову счастливо
Это повторять и повторять?

* * *

На обочине дороге вдоль сугроба
Дворник складывает плиты снеговые,
Отделенные скребком от тротуара,
Чтобы люди, проходя, не спотыкались,
А спокойнее спешили по делам.
Отложив свою полезную работу,
Дворник старый вынул пачку «Беломора»,
В папиросу дунул, долго шарил спички,
Не нашел, и, поискав глазами рядом,
Засмотрелся вдруг на сложенную стенку,
Как на запись снегопадов и метелей.
Не напрасно серой сахарной полоской
Явно каждая прослоена плита.
И, наверное, подумал дворник старый:
«Вот еще одна зима уже проходит,
А кусок людьми истоптанного снега
Помнит больше дней, чем я или прохожий...
Отчего?»
В это время бестолковые мальчишки,
Что урок на тротуаре проводили,
Проходили, переругиваясь, мимо,
И один из них схватил кусок из горки,
И пошли они смотреть свои мультфильмы,
Друг у друга снег со смехом вырывая,
И пытались понарошку откусить...
Старый дворник прикурил у пешехода,
И смотрел им вслед, тихонько улыбаясь,
А дымок его помятой папиросы
Вился вверх, к высоким облакам.

Бабье лето

Бабье лето не проходит отчего-то,
Будто ждет оно отлета журавлей.
А с деревьев опадает позолота
Ворохами не червонцев, так рублей.

Старый дворник погружает их на тачку,
Перевозит и сжигает в костерке...
Бабье лето. Дали нищему подачку,
Да рассыпалась — не держится в руке.

* * *

Я всегда был далек от «природы»,
Вот она, вроде, рядышком, но
Между нами с потеками соды
Недомытое в праздник окно.
Там — сургутские сосны-пигмеи,
Здесь — работы моей западня...
Вот и все, что мы нынче имеем
На повестке текущего дня.
Вот и все, что имелось, и было:
Прошлый день, или год, или час...
Будто время стеклянно застыло,
Разделяя природу и нас.
Будто время, зажатое в рамы
(Ах, какая блестящая гладь!),
Равнодушно, легко и упрямо
Не дает нам друг друга понять.
Ну зачем? И кому это надо?
Но без мысли о благе и зле
Спотыкаются встречные взгляды
На нечистом оконном стекле.

* * *

Одиночество надвину, словно шапку на глаза,
Грудь открою небу серому навстречу.
Жизнь прошла наполовину, прокатила, как слеза,
Этак дальше — я и смерти не замечу.

Бросит Север мне на плечи непорочные снега,
Светлый иней — бриллиантовые крохи...
Я, конечно, понимаю: жизнь прекрасна и долга,
Просто в ней бывают разные эпохи.

Случай

Может быть, об этом и не надо.
С глаз долой — и сердце налегке.
Смерть моя вчера промчалась рядом
В пьяном бортовом грузовике.

На пропахшем гарью перекрестке,
На обыкновенной мостовой.
Помню угол кузова в известке,
Да шофера с белой головой.

Помню, как по волчьи взвыли жутко
Тормоза, нажатые рывком,
И глаза ясней, чем незабудка.
Голубые, с желтым огоньком.

* * *

Сегодня мы работаем на крыше.
Все видится отсюда чуть иначе:
Рассвет узорной проволокой вышит
Над линией электропередачи.
На горизонте — города громада,
Протянутая швом электросварки,
И ничего милее нам не надо
В работе без прохладцы, без запарки.
Мы, в общем, не рвачи и не герои.
Со стороны — не надо тренировки
Раскатывать шершавый рубероид,
Подтягивая битум на веревке.
К полудню же разденешься по пояс,
И кожей горячий ветер слышишь...
Как будто ни о чем не беспокоясь,
Сегодня мы работаем на крыше.

Опыт

Мне часто казалось: вот только возьмись —
Легко достигим идеал.
И я начинал свою новую жизнь,
Но сам себе вечно мешал.
Я строго попытки свои повторял,
Давил в себе фальшь и испуг,
И дело, которое я начинал,
Все реже валилось из рук.
И много друзей мне пришлось позабыть,
И многим товарищем стать,
Зато меня не на что больше купить,
И вряд ли возможно продать.

* * *

К Сургуту осень спешит рывками.
Прошли каникулы с большими отпусками,
Пахнуло дождиком, и солнце над домами
Легко поддерживает облака виток.
Он вроде лебедя, отставшего от стаи,
Летит над нами, помаленьку вырастая,
А синева по-верещагински густая
Совсем стемнела в направленье на восток.
Все это значит, что совсем не за горами
И первый снег с его летучими следами,
И первых заморозков трезвый холодок.

Осень

Пятиэтажный дом с балконами,
Скамейка, дерево, подъезд...
Дожди прозрачными колоннами
Уходят с праздничных небес.
Играет ветер чью-то музыку
Столбам, веревке бельевой,
И павший лист летит и кружится,
Насквозь пронизан синевой.
На край двора слетели голуби,
Заполонили весь газон.
И в облаках проносит голову,
Как телевышка, старый клен.

Пригород

Счастья в жизни — хоть отбавляй!
Выливается через край.
Словно вывешенный на радуге
Чуть покачивается трамвай.

Рельсы прыгают вверх и вниз,
Из травы торчит острый лист,
И дрожит в небе, рядом с жаворонком,
Чуть правее — парашютист.

Это — пригород. А вдали,
На ладони самой Земли,
Белый город, как белый памятник
Тем, кто ведали и могли.

**Воспоминание о парке
им. Якутова в Уфе**

Город. День. Моя любимая улица,
Где весной ветер и воробьев гам.
Надо только на секунду зажмуриться,
И опять, верю, я окажусь там.

Надо только обойти вокруг озера,
Отыскать дерево, тот большой клен:
Старый клен с корой коричнево-розовой,
И листвой розовой, как цветной сон.

От коры времени не отниму лица,
Чтоб друзьям потерянным еще раз спеть.
Надо только сильно-сильно зажмуриться,
Чтоб все вспомнить или умереть.

* * *

Вот и к зиме прорыв.
Белая мгла вдали,
Голые прутья ив
Тянутся из земли.
Падает мелкий снег
Прямо на воротник.
Капля упала с век...
Что это ты, старик?!

* * *

Дыханье живых человеческих слов —
Не это ли было вначале,
Когда, не имея названья стихов,
Обычные песни звучали?

Народные песни — работы родня,
Да отдыха вольные дети...
Им сладко и больно в душе у меня,
Вполне заурядной на свете.

Народные песни — простые слова
Смеются и горестно плачут.
Затянешь их только, припомнишь едва —
Они нас роднят и иначат.

Они за причиной не лезут в карман,
Привычное с ними чудесней.
Они никогда нас не вводят в обман —
Старинные русские песни.

* * *

Сейчас не время для стихов —
Так мне сказали.
Там — бой,
Там — смерть,
Там льется кровь,
Страна в развале.
Там дети плачут от беды —
Не от капризов.
Там даже нежное — цветы —
Звучит как вызов.

А здесь — обычные дела:
Базар, сберкасса.
А здесь у праздного стола —
Гул перепляса.
От сплетен,
Страхов,
Матюгов —
Мороз по коже...
Сейчас не время для стихов!

А для чего же?

Весна

Вдоль России струится черемухи дух,
Все плотней белокурые кисти.
Не стесняйтесь веселых друзей и подруг,
Оглянитесь и ветви приблизьте.
В невесомом дожде лепестковой воды
Лишь лицо от заботы умоешь,
Всех созвездий в глазах остаются следы,
Всей любви, если ты ее стоишь.
Белым цветом весна к нам легонько стучит,
Не беда, что черемуха малость горчит.
И пока в нас огонь новизны не потух,
Окунайтесь в листву и соцветья!
Вдоль России струится единственный дух,
Признаваемый в наше столетье.
От него во дворе тишина и покой,
Между нами согласие и споры.
От него я сегодня веселый такой —
Не помогут ничьи уговоры.
Скоро явится зной, беспощаден и сух,
Но покуда струится черемухи дух.

Сотворение мира

Ты сегодня устал от работы.
Кропотливое время труда
Из тебя словно вынуло что-то,
Утекло, как живая вода.
Снова чья-то незримая сила,
Завершая обыденный круг,
Берега твоих плеч подточила,
Перешла в очертания рук.
А ведь сделано, в общем, немного;
Как обычно, в начале начал.
На кого-то начальник кричал,
Вспоминая по-старому Бога.
До обеда «входили в струю» —
Так большие, тяжелые лодки
В непогоду и дерзки, и кротки
Пробивают дорогу свою...
А когда показалось уже
В основном получалось начало,
По воротам дождем застучало,
И — шабаш! — по ушам и душе.
Вот и вечер. Дождя, вроде, нет.
Облака в стороне от заката,
Как подкрашенная стекловата,
Что свалили сегодня в кювет.
Светит месяц лицом на рассвет.
Вот и все. Послезавтра — зарплата.

* * *

Не прошу ни участия, ни доброго взгляда.
Никому ничего не вменяю в вину —
Шар земной, как игрушка из детского сада,
Где пока еще дети играют в войну.
А война — не игра, чтоб уйти с середины,
А на шарике том — и асфальт, и жнивье.
Посмотри! — он расколот на две половины
Через самое сердце твое и мое.
И когда к нам врывается Время с экрана,
И военная хроника режет глаза,
Эта трещина дышит, как свежая рана,
Как затмившая небо ночная гроза.
Мы отводим глаза, мы находим причины
Оправдать невоенное наше житье,
И расходится память на две половины
Через самое сердце твое и мое.

* * *

Что я спокоен — я не спорю,
Но внешность, милые — обман.
Во мне страстей такое море,
Что не вместится в океан.
И не дают мне облегченья,
Ведя борьбу за перевес,
Морские буйные течения
Навстречу и наперерез.
Издалика — все в полном штиле,
И нет движения вперед,
Но от антенн своих до кия
Корабль души дрожит и мрет.
Матросы! Не офонарейте.
Ваш капитан не трус, не псих,
И мы давно на этом рейде
Ждем чрезвычайных позывных.
А что покоя облик частный —
Родимый и далекий брег...
Неправда, будто я бесстрастный.
Спокойный просто человек.

* * *

Зима. В Сургуте в это время
День мимолетен, как мечта.
Я на работу еду в темень,
Обратно — та же темнота.

И там, где трасса распрямилась,
Великолепна и строга,
На придорожные снега
Ночное небо опустилось.

Созвездья фар летят весь вечер,
Обозначая поворот.
Двойные белые — навстречу.
Двойные красные — вперед.

* * *

Надоели вы мне с разговорами,
Все кричите, а я все молчу.
Занавешусь я темными шторами,
Да цветной телевизор включу.

Нахлобучу наушники-стерео —
Не кантуй меня, грусть, не замай!
Зря ли я за полжизни на Севере
Заработал свой маленький рай.

Поколдую я с чашкой на блюдечке,
Выпью чаю, да снова налью...
Ничего мне не надо ни чуточки,
Никого я сейчас не люблю.

Пой мне, пой телевизор, насвистывай,
А закончится время программ —
Буду слушать, как ветер неистовый
Душу города рвет пополам.

Сенной двери жилого вагончика

О, как ты стонешь в большую стужу,
Дверь, открываемая наружу!
Привет толкающимся в тебя,
И ручку тянущим на себя.

Они желаннее всех желанных
В твоих объятиях деревянных.
Прими и поровну всем отмерь:
Стони сильнее, родная дверь.

И пусть почаще в тебя заходят,
Недолго ждут и вдвойне находят,
О том же, съездившись от потерь,
И сам пою я, родная дверь.

Я тем себя безраздельно тешу,
Что дверь когда-нибудь перевешу.
Да будет ход твой и тих, и мудр,
Дверь, открываемая вовнутрь.

Да будет ясно в тебя входящим
Друзьям и добрым, и настоящим,
Что ждут их искренне и давно,
И места в доме полным-полно.

* * *

Когда закончился второй рабочий день,
Когда закончился последний день недели,
И нимб, украшенный спиралью повителя,
Сиял над каждым огородом деревень,
Я... грудью врезался в засохший карагач.
Еще недавно на сквозной арене парка
Сова преследовала зайца-перестарка,
Скользя меж кронами бесшумно, как палач;
Сама подавлена решительностью казни.
Тянула невод, полный запахов сирень,
И уж, заползший на неровный, тонкий пенёк,
Дробил чешуйками луну все безобразней,
Играя мышцами под кожей тугой.
Дремали голуби в чердачных окнах зданий,
И мать, моих не признавая опозданий,
Спросонья шарила будильник заводной,
Едва найдя его ладонью в лунной тени...
Ах, как свежа была над пропастью роса!
Лягушек жидкие и злые голоса,
Дрожа, застыли на заученном колене,
И в тине каменной проснулся старый рак...
Зачем все в мире происходит только так?
Зачем все в мире происходит без возврата?
Ах, сердце, сердце, ты ли в этом виновато!
Я сердце бросил на обугленную твердь
Осенней корки паутин, ветвей и листьев.
И так, души своей нисколько не очистив,
Лететь!..
Лететь...

Вопросы

Кто строил каждый день закат из кирпича?
Выкладывал мозаику по своду?
Тянулся за луной, таинственно шепча,
Задумывая новую погоду?
Кто детям навевал целительные сны?
Кто ночью не мешал не спать поэту,
И первые следы пришествия весны
Разбрасывал по снегу и по свету?
Кто выдумал любовь? Кто вылил этот свет?
Кто по траве рассыпал эти росы?
Кто спрятался в лесу? И с самых детских лет
Кто в голову вложил мне все вопросы?

* * *

Как в цирке умных лошадей
Судьба нас гонит по арене,
Вздымает, ставит на колени,
И вновь вперед: «Скорей! Скорей!»

И, если кто-нибудь, упрямя
Сорвется в ночь, где звезды светят,
Как скоро, скоро он заметит,
Что мчится по своим следам.

Помолчим

Мы загнаны жизнью чертовски,
Но все ж, проповедуя бег,
Давай, поглядим философски
На то, чем терзается век.
Давай, поглядим без презренья
На это глухое, как стон,
Биенье, слиянье, круженье,
Рожденье и гибель времен.
Давай, поглядим виноватей,
На так подводившие нас
Рожденье и гибель понятий,
Движенье названий и фраз.
И, раз уж наделано лишку
Ошибок на нашем веку,
Давай-ка дадим передышку
Хотя б своему языку!

* * *

Всю жизнь меня по свету носит
То осень, то снег, то весна.
Душа уже прочного просит,
И лезет в виски седина.
А я все в кругу листопада:
То вниз по спирали, то вбок,
Как будто того мне и надо,
Лечу меж домов и дорог.
И, вроде, милей и известней,
Становится каждый приют,
Но жизнь, как цыганская песня:
Везде ее грустно поют.
Рванусь ли я в ставни резные,
Задену ли створки фрамуг:
Россия. Россия. Россия —
Знакомый и ласковый звук.
Очнешься: дорогу ли спросят,
Вдохнешь ли — погода все злей.
И вновь меня носит и носит
По Родине милой моей.

Зной

Полдень. Вдоль дороги — плоский дым,
Словно тонкой кистью прочертили.
В промежутке леса — купол пыли,
Стадо волочится перед ним.
Ящерка застыла на камнях,
Зацепилась пальцами за грани,
И трава как бы сильнее вянет,
Отражаясь в выпуклых глазах.
Время словно спрятано в стволы
Сосен, что стоят у поворота,
И с необъяснимой неохотой
Вытекает каплями смолы.
Вся природа бредит желтизной,
И в чертах дрожащих и неполных,
Как гигантский, зреющий подсолнух,
Наклонилось небо надо мной.

* * *

Бабым летом, в Сургуте, в субботу,
Над домами, рекой и тайгой,
Мне такого не помнится что-то,
Удивительный льется покой.

Всюду окна раскрыты и двери,
Ранний вечер тягуч, словно мед,
Из каких-то зеркальных материй
Музыкальная фраза плывет.

И блестит подрастающий месяц
Из-за туч белизной молока,
И с балкона, до пояса свесясь,
Мальчик с девочкой кличут щенка.

Случай в эпоху гласности

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.*

А. Ахматова

Однажды шел куда-то
По улице поэт,
Навстречу два солдата
Несли большой портрет.
И, глядя против света,
Поэт сказал хитро:
— Держу пари, что это
Не член Политбюро.
Солдат, что был повыше,
Скрипящий сапогом,
Слова его услышал
И топнул каблуком.
И, на поэта глядя,
Как символ перемен,
Ответил: «Верно, дядя,
Теперь уже не член».
И, не стыдясь печали,
В двух или трех словах
Солдаты рассказали
О павших головах.
Поэт все это смело
Решился повторить,
Мудреное ли дело
Стихами говорить!

В роддоме

О, как ты тяжел,
Насыщенный жизнью живот!
А муж не пришел.

Пожалуй, теперь не придет.
Сегодня опять
Приснится вишневый компот.

Придется лежать
И знать: хоть плачь, хоть кричи —
Нет смысла желать.

И снова анализ мочи
Неясный, как сглаз,
И тягостных книг кирпичи...

И снова тот час —
Идти на привычный укол,
И — слезы из глаз:

— О, как ты сегодня тяжел,
Бедный живот!
А Он, «как всегда», не пришел.

* * *

I
В дверях общежития вился клубком
Холодный, искрящийся пар.
Он вышел, раскрыв их небрежным пинком,
И принял метели удар.
В унтах, полушубке, с зарядом тепла
В разбавленной спиртом крови,
Он вышел. Его поджидали дела
Дороги, работы, любви.
А там, где он тамбур неспешно прошел,
Куда снегопад не проник,
Ничком повалившись на каменный пол,
Рвал пальцами сердце старик.
Он молча лежал у белесой стены,
Колени поджав к животу,
В пальто не последней уже новизны,
С дрожащей таблеткой во рту.
И что же тот, первый, на помощь позвал?
Помедлил? Нагнулся? Помог?
Да нет. Старику прямо в спину попал
Его залихватский плевок.
Он шел осторожно в морозной ночи,
На гладкой дорожке скользя,
Ворча про себя: «Расплодились, бичи.
Из комнаты выйти нельзя».

II

Вот он, бич — дитя шабашки,
Горе северных широт.
В жизни щедрой на поблажки
Завершен его полет.
Разлетелись очевидцы:
Вся родня и все друзья,
Не решится подступиться
И милиция моя.
Вот он встал у магазина,
Кинул шапку на асфальт,
У него такая мина,
Что лица невольно жаль.
Словно сели батарейки —
Глаз потухшая игра.
Он сшибает по копейке
На «фанфурики» с утра.
Зимовал он, где придется,
Без забот и налегке,
В сантехническом колодце,
Да на пыльном чердаке.
Переждать мороз и вьюгу
Все же стоило затей,
Он нашел себе подругу,
Тоже мать своих детей...
Были страсти очень пылки:
До зеленых фонарей...
И пошел искать бутылки
У других он у дверей.
Без жилья, без теплой пищи,
Где там баня! Где там душ!
Он стоит — последний нищий
Посреди осенних луж.
Ничего в нем не меняет
Пробегающий народ.
Он стоит себе, воняет
И хорошего не ждет.
Жизнь проходит не в обиде,
Пролетает сгоряча.
Ах, когда ж мы не увидим
Ни бичевки, ни бича?

Ш

Измучен последним запоем,
В заботе о новых долгах,
У самой судьбы под конвоем
На хладных сибирских снегах.
Ты смотришь больными глазами
На мир, как на вечное зло.
Какая-то дрянь под ногами:
Щебенка, тряпье и стекло.
В истерзанной кроличьей шапке,
Щетина — до самых бровей,
С горобом умирающей бабки
Ты выглядишь, как воробей.
От оклика спрятавшись робко,
Ты в этот забрел закуток.
С флакончика свинчена пробка
И сделан последний глоток.
Закуски-то нет, ну и ладно.
Вот плохо — карманы с дырой...
А печень болит беспощадно,
И жизни не будет второй.

Мороз

По Сургуту, Сургуту, Сургуту — тревожные сумерки.
Ах, когда же грядущие белые ночи грядут?
Полушубки не греют, и шутки до времени умерли
Будто градусы холода рта разомкнуть не дадут.
Даже та же луна, наша старая рыжая спутница —
Словно маятник в небе дрожит от внимательных глаз:
По Сургуту, Сургуту, Сургуту идет межютица,
И застывшей солярки не жжет на обочине КрАЗ.
Словно жечь по щеке — не скупятся ветра на пощечины,
Выжимая короткие слезы и долгую злость,
Но для наших сердец никогда не найдется обочины,
На которой бы им отдохнуть от работы пришлось.
И краснеют в балках подключенные в сеть нагреватели,
И сквозь двери двойные парит индевелый подъезд,
И любому морозу мы все же друзья и приятели —
Не об этом ли он и трещит, одичалый, окрест.

Ночь

Мерцает лунная дорожка
На сонной заводи ночной.
В кустах — разбитая гармошка,
Закончен пьяный выходной.
У ног забредшей в воду ивы
Хвостами плещут голавли,
Как будто вздох неторопливый
Летит незримо от земли.
Вчерашний хмель — слуга рассудку,
И, вопреки лихой судьбе,
Как в эту ночь легко и жутко
Найти вселенную в себе!

Лебеди

Жизнь бедовая берет подъемы круто,
На пределе напряженье и надлом.
Нынче лебеди повеяли Сургуту
Белоснежным, цвета Севера, крылом.
Знак надежды – нам он только помогает,
А иначе, кто бы выдумал тогда,
Будто птицы к людям сами прилетают
Только в добрые, родные города.
Презираю справедливые приметы,
Но зимою будут помниться светлей
Ночи белые, навеянные лету
Белоснежными крылами лебедей.

Октябрь

Рыбы высохшая связка,
Сети, скрученные в жгут.
Отыгравшая закваска
Тихо льется на Сургут.

Шевеля зубцами сосен,
Зябнет утренняя рань...
Говорят, гнилая осень!
Это — правда, время — дрянь.

Стекленеющие лужи
Под подошвами хрустят.
От речной, унылой стужи
Плачет ветер-листокрад.

Слишком прост и быстротечен
Мир, похожий на игру.
Хорошо, что я не вечен,
И когда-нибудь умру.

* * *

Я не люблю промозглую погоду
Сургутского начала октября.
С утра все дождь набрасывает воду
На дрогнувшие иглы фонаря.
Как серое, тугое одеяло,
Крутыми водостоками трубя.
И скоро ночь, по прошлому скорбя,
Опять раскинет звезды как попало.
Закат осыплет облако малиной,
Дыханье ветра станет погрубей,
И жалкий лист на ветке тополиной
Нахохлится, как старый воробей.

* * *

Еще мои движенья так же ловки,
Сопернику не взять меня в кольцо,
Но предо мною в зеркальце бытовки
Чужое, незнакомое лицо.
Искать себе печальных оправданий?
Вон, разум мой, гляди, какой нахал!
Он стать хотел хозяином желаний,
Но, кажется, их просто разогнал.
И мне порой невыносимо жутко
Свой новый день стихами начинать.
О, молодость! Вернись, хоть на минутку.
Сумеешь или нет меня узнать?

* * *

Жизнь моя глупая — нервная-нервная,
Хочется жить королем,
Хочется выть, но иду за консервами
С куцым, помятым рублем.

Хочется быть не худым, а подтянутым,
Век не курить, не стареть.
Хочется быть благородно обманутым,
Хочется в опере петь.

Нет же, работаю распорядителем,
Пью по утрам тетурам,
Глаз воспален, аппетит отвратителен,
А в голове — тарарам.

Смелые мысли притянуты за уши
Чувства насквозь прожжены,
Страшно с похмелья, и страшно всегда уже
СПИДа, чертей и войны.

Колыбельная

Не плачь, моя доченька, жизнь — она вечно упряма.
Будь сильной, как папа, красивой и умной, как мама.

До свадьбы забудутся ссадины и ушибы.
Утри свои слезы, пусть воду возьмут себе рыбы.

Ты вырастешь скоро, скорее, чем после захочешь.
Все будет: прекрасные платья, веселые ночи.

Ты будешь хозяйкой большого, красивого дома,
Там солнце за окнами будет смеяться знакомо.

Там будет светло и спокойно во время ненастья —
И бури, и войны боятся остаться без счастья.

Не плачь, моя доченька, пусть себе дождики плачут.
Им, кажется, хуже — они не умеют иначе.

Живи, словно солнышко, пусть тебе весело будет,
И станешь счастливой, и счастья никто не осудит.

Кот

Глаза раскроет кот,
И солнце в них зайдет.
Глаза закроет кот,
А солнце не уйдет.
И вечером, когда
Темно, и ночь близка,
Гляди, в глазах кота
Два солнечных куска!

* * *

Последняя роскошь ушедшей зимы —
Снежок, осыпаящий землю в апреле.
Кому-то на юге цветы надоели —
Какое нам дело до их кутерьмы!

Смотри-ка, на грани меж света и тьмы
Примолкла Сибирь, как дитя в колыбели.
Так тихо, что слышится — сны полетели
Наивные души искать и умы...

Утренняя мелодия

На дворе еще — Ах! —
Сон.
На столе и часах —
Сон.
У тебя еще сонно припухли глаза,
Да и вся ты пока —
Сон.

Но взгляни, за окном —
Май.
На часах, над столом —
Май.
И твои удивленно-большие глаза,
Да и вся ты давно —
Май

Просто это такой
День.
Удивленно-один
День.
Улыбаются в зеркале чьи-то глаза,
Потому, что и ты —
День!

Кухня

Прекрасен вид на кухонную мебель.
Она, по мне, милей садов и рощ,
Там сто вещей протягивают стебель,
Вкушая электрическую мощь.

Там под окном то холодно, то жарко,
Там в чутких кранах прячется вода.
Там по утрам вскипает кофеварка,
И радуется сердца сковорода.

Там самовар, приветствуя хозяйку,
Всегда готов утешить и согреть.
Там солнца луч похож на балалайку,
Там от свободы можно умереть.

Там кот мурлычет о былом-бывалом
И холодильник трепетно гудит,
Набив утробу курами и салом,
И всем, на что способен аппетит...

Тот потерял полжизни, кто там не был,
И пусть чудес немало видел я,
Но все равно, помилуйте, друзья,
Прекрасен вид на кухонную мебель!

Большая разница

На улицах сыро во время дождя
В любом полушарии мира,
И зонтики люди берут, выходя
В продмаг за покупкой кефира.
Но в странах иных называют не так
И зонтик, и дождь, и кефир, и продмаг,
Хотя одинаково сыро
В любом полушарии мира.

Чердак

Там, и вправду, никто не живет.
По углам — голубиный помет,
Но и голуби очень давно
Не летят в слуховое окно.
Там рассыпаны пыль и труха,
Там недвижимость эха глуха,
Каждый шорох надрывен и хруст,
Будто мир так же вымер и пуст.
И сквозь шифер и ржавую жечь
Вдруг грохочет откуда невесть:
Это дождь, или град, или смех,
Но опять есть мне дело до всех.
Улетела шальная гроза,
С паутинки блеснула слеза,
А от крыши до крыши другой
Семь цветов протянулись дугой.

* * *

Когда-то в детстве мне мечталось полетать:
К велосипеду пару крыльев примотать,
Взойти на горку, раскатиться и взлететь,
И выше дерева педалями вертеть.
Была, пожалуй, невозможною мечта —
Не получилось из полетов ни черта.
В иных стремлениях прошло немало лет,
И сын под горкой доломал велосипед.
Но отчего же я с волнением, хоть плачь,
Порой гляжу на сеть электропередач,
Пересекающую небо городов
Горизонтальными дождями проводов?

* * *

Зря я завел себе моду
Весь выходной — взаперти.
Выйду, взгляну на природу,
Чтобы душой отойти.

Возле застывшей протоки
Высится белый обрыв.
Долгие зимние сроки
Будущий держит разлив.

Всюду сугробы, сугробы...
До горизонта, взгляни!
Но уже веет без злобы
Ветер в последние дни.

Скоро оттает полянка,
Желтого плеса тесьма
Как надоевшая пьянка,
Тянется наша зима.

Воздух и чист, и прозрачен,
Солнце глядит веселей...
Вот и предел обозначен
Царству речных хрусталей.

* * *

Что мне время делить
На дурные и добрые дни:
Вот — удачи струя,
Вот — сплошная опала.
Словно воды в реке,
Догоняют друг друга они,
Перемешиваясь
И крутясь, как попало.
Мне в себе разбираться
Бывает по-прежнему лень,
Но, уж если спокойно
Состариться выпадет милость —
Проживу свою жизнь,
Как один замечательный день,
День, в который так странно,
Так много вместилось.

